

партийного и советского строительства (17 ноября 1967 г.).

Своеобразными свидетельствами строгой идеологической цензуры, характерной для исследуемого периода, являются записки о задержании в 1967 г. упоминавшейся статьи В. Поремского и книги П. Сорокина «Пути проявления любви и сила ее воздействия», направленной в адрес И. Кона, как и факт отказа крупному российско-американскому социологу «посетить свою родину до своей кончины» (записка Научного совета АН СССР по истории мировой культуры о приглашении в СССР президента Американского социологического общества П.А. Сорокина, 3 февраля 1967 г.)

Большая часть архивных материалов, опубликованных в сборнике, отражают наиболее значимые события в развитии социологии рассматриваемого периода. На их фоне несколько выделяется записка Отдела науки и учебных заведений и Международного отдела ЦК КПСС о командировании Г.В. Осипова в Норвегию (от 31 декабря 1965 г.) для чтения лекций. В то время за границу выезжали десятки специалистов. Неясно, является ли этот случай единичным,

исключительным для социологов. В связи с отсутствием каких-либо разъяснений по поводу этого документа необходимость его помещения в сборник не очевидна. Истории отечественной социологии, и в частности ее взаимодействию с властью, были присущи особенности, не показанные в официальных документах. В следующих выпусках серии составители сборника планируют сочетать документальные источники с текстами мемуарного характера и материалами из личных архивов непосредственных участников событий. Что касается архивной работы, то для пополнения имеющихся источников, кроме ЦХСД, следует обратиться в другие хранилища Федеральной архивной службы, в том числе АП РФ, АРАН, ЦГАОДМ, ЦГАЛИ и др.

Несмотря на некоторую концептуальную и археографическую незавершенность, сборник является заметным достижением в источниковедческой работе по истории общественной мысли в России.

Л.А. Козлова

кандидат философских наук,
Институт социологии РАН

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Демонтирование коммунистической системы привело к возникновению острых этнополитических конфликтов в регионах бывшего Советского Союза. Исследование этих конфликтов вызвало к жизни сравнительно новое для отечественной науки междисциплинарное направление — конфликтологию.

Формирование теоретических и методологических основ российской конфликтологии началось в первой половине 90-х годов. Тогда были созданы профильные исследовательские и научно-консультативные центры, вышли в свет сборники статей, монографии и

учебники по данной дисциплине. В 1996-1998 годах наметилась тенденция к выработке и закреплению российских конфликтологических «парадигм», которые, как представляется, имеют прикладную направленность и включены в современные политические дебаты. Это несколько отличает отечественную конфликтологию от западной социологии конфликта, имеющей преимущественно теоретическую направленность.

Вероятно, главным свидетельством формирования нового направления в отечественной социологии можно считать выход в свет учебника А.Г. Здраво-

мыслова "Социология конфликта", третье издание которого опубликовано в 1996 году [1]. Объясняя сущность социального конфликта, автор обращается к "природе человека и государства" и показывает, что сотрудничество и конфликт являются сущностной чертой общественных отношений. Исходя из трудов Аристотеля и Т. Гоббса А.Г. Здравомыслов выводит два противоположных фундаментальных подхода к пониманию общества. В первом случае речь идет о естественном (природном) неравенстве в человеческом сообществе, во втором – о природном равенстве людей. Место и значение конфликта в социологической теории раскрывается автором на основе социологических учений Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, Р. Дарендорфа, Н. Смелсера. В отличие от традиционного для истории социологии противопоставления структурного функционализма и социологии конфликта, А.Г. Здравомыслов вычленяет потребности, интересы, ценности и нормы в качестве интегральной методологической базы для объяснения конфликтов. В предлагаемой автором аналитической схеме изучения конфликтов акцентируется порядок выдвижения требований конфликтующими сторонами [1, с. 104]. В соответствии с этой схемой А.Г. Здравомыслов делит конфликты на три основных группы: конфликты по поводу жизненных средств, конфликты как столкновения интересов и ценностные конфликты [1, с.17].

В вопросе об этнополитических конфликтах автор придерживается точки зрения, согласно которой этносы как таковые не являются самостоятельными субъектами исторического или политического действия. В качестве такого рода субъектов выступают элитные группы, претендующие на участие во власти и формулирующие содержание национальных интересов [1, с.196]. А.Г. Здравомыслов предлагает следующую схему разворачивания межнациональных конфликтов. Как правило, конфликты начинаются с постановки и обсуждения

проблем национальных языков. Именно лингвистическая тематика раньше прочих переходит из закрытой формы в открытую и имеет огромное мобилизующее значение, так как апеллирует ко всем людям данной национальной группы [1, с. 198]. Далее конфликт перемещается в политическую сферу с весомым элементом статусных и территориальных претензий. Автором акцентируется внимание на том, что данная фаза конфликта предполагает обращение сторон к историческим фактам и традициям [там же]. А.Г. Здравомыслов делает заключение о доминирующей роли политики в национально-этнических конфликтах и подчеркивает, что развитие этих конфликтов не может быть объяснено с помощью концепции определяющей роли экономических факторов и интересов [1, с. 201].

Отсюда, в частности, следует, что динамика межнациональных конфликтов зависит от того, насколько сильны притязания на власть новых элит, выросших в рамках старых структур, отторгнутых как от участия во власти, так и от культурного самоопределения соответствующих национальных общностей [1, с. 202].

Иными словами, в основе этнополитических противостояний лежит неудовлетворенность растущих элитных групп своим нынешним положением и вытекающим отсюда стремлением к перераспределению властных полномочий в свою пользу через инициирование и проведение "национальных революций". Поэтому в центр проблемы межнациональных конфликтов А.Г. Здравомыслов ставит вопрос о власти, вокруг которого и разворачивается борьба старых и новых элит, причем последние более склонны к радикализации националистических лозунгов. Что касается форм преодоления этнополитического конфликта, то автор предлагает концепцию "рефлексивной политики", которая основывается на понимании национальных чувств других этносов и стремлении избежать радикальных националистических идей [1, с. 203].

Происхождение отечественной конфликтологии как науки можно проследить по публикациям конфликтологов из Института социологии РАН. В 1996 году вышла книга Е.И. Степанова "Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические и технологические проблемы", в которой рассматривается процесс формирования конфликтологии как научной дисциплины в связи с политическими и экономическими изменениями в посттоталитарном обществе [2]. Целесообразность и значимость конфликтологических исследований Е.И. Степанов объясняет постперестроечным обострением борьбы "за статус и ресурсы, права и влияние самых разных социальных субъектов: республик (с центром и между собой), регионов и отраслей, предпринимателей и трудовых коллективов, профсоюзов, партий и общественных движений, крупных и малых национальных общностей, социальных групп и личностей" [2, с. 7]. По мнению автора, конфликтологические разработки в первую очередь должны быть направлены на изучение природы и сущности разнообразных социальных конфликтов, их функций, механизмов действия, причин и условий возникновения, а также на выработку способов предупреждения, урегулирования и профилактики конфликтов. Комплекс исследуемых отечественной социологией конфликтологических проблем включает три относительно самостоятельных "блока": организационно-методологические проблемы; концептуально-теоретические проблемы; социально-философские, мировоззренческо-методологические и общетеоретические проблемы [1, с. 13]. Таким образом, конфликтология предстает как вполне развитая многоуровневая дисциплина.

Основные результаты конфликтологических исследований, сформулированные Е.И. Степановым, достаточно оригинальны. Обострение социальной конфликтности в бывших советских республиках связывается им со "сломом тоталитарной системы социального контроля", которая, опираясь на силовые

механизмы, подавляла и загоняла вглубь социальные противоречия [1, с.19]. Отказавшись от присущих тоталитарным режимам методов принуждения, демократическое общество оказалось перед реальной угрозой собственного разрушения под давлением нарастающих социальных, религиозных и этнополитических конфликтов. В таких условиях возникновение конфликтологии представляет собой объективную защитную реакцию социального организма. Иными словами, сама конфликтология является эпифеноменом конфликта и несет в себе выраженные черты конфликтности. Развивая эту идею, Е.И. Степанов выделяет ряд этапов становления российской конфликтологии. Первый условно обозначен им как "первоначальное накопление конфликтологического опыта" [2, с. 27]. В этот период (с 1990 по 1994 годы) проводились первые конфликтологические "круглые столы" и симпозиумы, создавались экспертные группы и различные миротворческие структуры. Параллельно с этим происходило становление конфликтологии, как научной дисциплины. В 1991 году в Институте социологии АН СССР был проведен "круглый стол" по социальным конфликтам с участием специалистов из Москвы, Петербурга, Харькова и ряда других регионов Советского Союза. С этого времени началась работа специальных исследовательских коллективов и экспертно-консультативных групп по различным направлениям современной конфликтологии [2, с. 33]. В 1992-1993 годах начинают работать академические координационные структуры, в частности центр конфликтологии при Отделении философии, социологии, психологии и права РАН в рамках которых получили развитие долговременные исследовательские программы. Е.И. Степанов предлагает признать значение социальных конфликтов в качестве естественного повседневного явления общественной жизни [2, с. 36]. Более того, конфликты, по его мнению, могут играть положительную роль в развитии общества.

Е.И. Степанов считает наиболее радикальными конфликтами в постсоветском пространстве межэтнические конфликты. Нельзя не согласиться с автором, что от национализма не избавлены ни традиционные, ни модернизируемые, ни бывшие “социалистические”, ни современные высокоразвитые демократические государства [2, с. 194]. Поэтому для эффективного мониторинга и экспертизы этнополитических конфликтов необходимо отказаться от марксистского восприятия национализма как временного формационного фактора, на смену которому по мере развития производственных отношений придет интернационализм. Национальное и интернациональное (космополитическое) всегда сосуществовали и будут сосуществовать. Автор предлагает отказаться от стереотипа об антагонистичности национального и интернационального, тем более в связи с дихотомией “капитализм – социализм”. Он считает, что термин “космополитизм” более точен, чем “интернационализм”.

Для изучающих социологию конфликта покажутся интересными разделы книги, в которых рассматривается отношение классиков к вопросам национализма и межнациональных противостояний. Например, Зиммель отмечал, что именно враги подчеркивают границы общности и мобилизуют ее членов, заставляя осознать свое этническое или национальное единство; Дюркгейм искал национализм среди таких “механических” причин, как кровное родство, проживание на одной территории, наследственная религия, общность обычаев и культурных традиций; М. Вебер увязывал национализм со стремлением создать собственную государственность во имя защиты уникальных культурных этнических ценностей. У автора есть основания для вывода о смещении акцента в понимании природы и механизмов национализма с экономических на социокультурные факторы [2, с. 197-198]. Таким образом, Е.И. Степановым развивается социокультурная конфлик-

тологическая “парадигма”, широко распространенная и в зарубежной (Э. Смит, Э. Геллнер), и в отечественной социологии. В то же время автором подвергается сомнению утверждение западных конфликтологов о “защитных” функциях национализма. Он считает, что национализм проявляется в том случае, когда укрепление и развитие национальной культуры принимает форму экспансии [2, с. 200].

К числу факторов вызывающих обострение межнациональных отношений Е.И. Степанов относит экономические, политико-правовые, идеологические и социокультурные. Отвергая в целом марксистскую трактовку национализма, автор отмечает, что развитие межнационального конфликта начинается с формирования у населения тревожного ощущения того, что происходит серьезное ухудшение материального и социального положения [2, с. 205]. Эта классическая марксистская предпосылка революционной ситуации наблюдается далеко не всегда. Этнополитические конфликты, как и другие аномалии в социальных порядках, обычно развиваются при относительном улучшении социально-экономической ситуации, когда ожидания опережают реальность. Вероятно, автор не учитывает эффекта относительной депривации в массовых движениях, и его схема развития этнополитического конфликта основана на предположении о первичности общественного бытия: 1) ухудшение социально-экономического положения региона; 2) возникновение и распространения мнения о несправедливом распределении ресурсов; 3) обострение на этой почве межэтнических противоречий; 4) активизация национальных элит, формирующих этнополитические программы; 5) конфликт [2, с. 205-206].

Российская социология всегда стремилась и стремится выйти за академические и университетские рамки и действовать в государственном масштабе. То же самое наблюдается и в конфликтологии. Е.И. Степанов считает необходимым активное “позитивное”

вмешательство конфликтологов в ход конфликтов. Речь идет о создании специальной и разветвленной экспертно-конфликтологической службы или системы таких служб. Данная структура, по мнению Е.И. Степанова, должна иметь общественно-государственный характер [2, с.209-210]. Основная задача этноконфликтологической экспертизы сводится к “налаживанию в межнациональных отношениях конфликтологического мониторинга и менеджмента, как действенных инструментов, позволяющих фиксировать зарождение конфликтных ситуаций, выявлять их “болевые точки”, уровень напряженности, динамику, характер действий конфликтующих сторон и т.п. ...” [2, с. 213].

В. Коротеева в статье “Существуют ли общепринятые истины о национализме?” рассматривает генезис методологических подходов к феномену национализма. Еще недавно понятие “национализм” имело явно негативный смысл. Сегодня оно все чаще используется в ценностно-нейтральном контексте. В западной литературе распространен подход, согласно которому существует два типа наций (“этнические” и “гражданские”) и соответствующие им формы национализма. В первом случае речь идет о немецком или восточном типе национализма, основанном на “народном духе”, культуре и общем происхождении. Ему присущи идеалистические и мессианские устремления. Во втором случае можно говорить о “рациональном”, “гражданском” национализме, основанном третьим сословием на ценностях политического и экономического характера. В. Коротеева анализирует взгляды Г. Гердера, Х. Кона, Л. Гринфельда, Р. Брубейкера и Э. Смита, доказывающие базовое различие “этнических” и “гражданских” “национализмов”. Судя по этой схеме, “этнический” национализм имеет германские корни и распространен в Германии, России и Азии. В его основе лежит замедленное экономическое развитие и связанный с этим комплекс неполноценности, который компенсируется

через идеи этнической избранности, “особого пути” и мессианизма. Гражданский же национализм порождается свободными выбором и “предполагает моральное и политическое первенство индивида” [3, с. 188]. Л. Гринфельд выделяет три типа национализма, соотнося их с конкретными государственными образованиями. Индивидуалистический национализм, гордящийся “конституционными правами”, присущ Англии и США. Коллективистский и гражданский национализм, зиждущийся на “ощущении культурной или политической уверенности в своих силах”, свойственен Франции [3, с. 189]. Коллективистский этнический национализм, коренящийся в глубоком комплексе неполноценности, поощряющем веру в то, что уникальность нации следует искать вовсе не в ее достижениях, а в самой сущности – национализм русско-азиатского типа. Если не касаться обоснованности подобных классификаций, на этом пути можно остроумно подметить множество характерных национальных черт и изложить их в анекдотах о русских, евреях, чукчах, поляках, французах и т.п. Однако в научных работах требуется теоретическое и эмпирическое обоснование классификаций и вряд ли можно исключить “комплексы неполноценности” и националистические установки массового сознания, например, в Англии – стране подлинно демократических традиций и уважения прав человека, где определены места всем: англичанам, шотландцам, валлийцам, ирландцам, “черным”, “паки” и “шитским”.

Р. Брубейкер развивает другую трактовку национализма, подчеркивая неадекватность его деления на гражданский и этнический. Э. Смит отказался от соотношения различных типов национализма с конкретными странами и этносами. Преодоление межнациональной напряженности он видит в объединении различных этнических групп в совершенно новую общность – политическую нацию. В этой связи В. Коротеева рассматривает проблему национального мифа. Миф

этнической нации, как правило имеет однозначно негативную окраску и осуждается как на научном, так и на общественно-политическом уровнях. Гражданская нация выглядит более респектабельно – в данном случае речь идет лишь о свободном выборе политической идентичности или преданности некоторым политическим принципам [3, с. 193]. По мнению В. Коротеевой, подобный взгляд на этничность связан с попытками “либерального сознания” выработать четкую собственную позицию перед лицом усиливающихся глобальных националистических тенденций. В итоге это выливается в попытки отделить более приемлемые формы национализма от менее приемлемых. В свою очередь “Миф гражданской нации” порождает понятие “либерального национализма”, направленное на преодоление стремления “сторонников либеральной традиции к “коллективисткой” доктрине, возводящей ее национальную принадлежность в ранг основных ценностей индивида” [3, с. 196]. К числу сторонников такого подхода относятся известные западные социологи Д. Миллер, М. Линг и О. Лири. Опираясь на труды Б. Яка и Б. Барри, В. Коротеева ставит под сомнение обоснованность “гражданского” и “либерального” национализмов. По ее мнению, изучение мифа гражданской нации показало, что свобода выбора, декларируемая этой моделью, преувеличена. На деле она ограничивается главным образом приобретением гражданства по праву рождения [3, с. 202]. В целом же в западных социальных науках и общественном мнении все отчетливее проявляется тенденция к отказу от положительного восприятия “гражданского национализма”.

Монография Б.А. Камкия “Проблема легитимности власти в полиэтничном государстве” посвящена сравнительно узкой, локальной теме – развитию этнополитического конфликта между Грузией и Абхазией. Однако в книге развивается теоретическая идея о соотношении “центра” и “периферии” в

полиэтническом государстве. В центре внимания Б.А. Камкия – проблема легитимации власти. По мнению автора, “легитимация власти – уникальный феномен, позволяющий снять политическую напряженность между этносами, консолидировать конфликтующие группы, сохранить стабильность и целостность государства” [4, с. 5]. Легитимация власти в системе “центр – периферия” предполагает интеграцию этносов, наций, народов в многонациональное государство, в котором все этнические группы будут признавать законность власти, а значит исчезнут предпосылки к межнациональным конфликтам между титульными и нетитульными этносами. Автор выделяет два доминирующих подхода к этой теме. Первый представлен именем Н. Макиавелли и сводится к убеждению, что именно сила в конечном счете склоняет людей к повиновению [4, с. 11]. Вторым подходом развит М. Вебером, который придерживается теории ценностной рациональности и рассматривал веру в качестве основы легитимной власти [4, с. 12]. В споре между “силой” и “верой” Б.А. Камкия становится на сторону “веры” подчеркивая, что ни одна власть не ограничивается добровольно только материальными, эмоциональными или идеальными мотивами в качестве основы, гарантирующей ее прочность. Каждая старается пробудить и упрочить веру в свою легитимность [4, с. 14]. Анализируя обстановку в этноконфликтных регионах Грузии, автор выводит два типа легитимации: охранительный и унификаторский [4, с. 20]. Так, официальный Тбилиси легитимизировал свою власть под лозунгом “Одно государство – одна культура”, что соответствовало “унификаторскому” типу. В свою очередь Абхазия стремилась защитить свою национальную культуру, действуя в рамках идеи “национально-освободительной борьбы”. В этом случае речь может идти о “охранительном” типе легитимации собственных институтов власти. В целом же “идеологии”, определяющие конфликтные отношения между Тбилиси и

Сухуми, лежат в различных плоскостях [4, с. 24]. Автор придает важное значение "цивилизационному" подходу к легитимации власти. В его основе лежит понимание различия культур, этносов, образующих центрo-периферийную систему политического государства. Данная дифференциация, по мнению Б.А. Камкия, связана с принадлежностью к различным цивилизациям, составляющим субстрат национальной культуры [4, с. 26], что серьезно препятствует взаимной адаптации. Дополнительным катализатором реинтеграции является противоположная внешняя социокультурная ориентация расселенных в одном ареале этносов, в том числе близкородственных. Типичный пример – этнополитический конфликт в Югославии. Преодоление межцивилизационных противоречий Б.А. Камкия усматривает в "выработке идеологии многонационального государства, максимально приближенной к пониманию и разделению большинством этой идеологии, этих символов и знаков" [4, с. 29].

В целом, данный подход направлен на осмысление проблем межцивилизационного контакта на национальном, региональном и глобальном уровнях. В нем, как правило, дискурс ведется в рамках дихотомии "Восток — Запад". "Запад" стремится распространить свои ценности на модернизируемые государства и тем самым является проводником унификации. "Восток", пытаясь защитить традиционный для него уклад жизни, занимает охранительные позиции. По мнению Б.А. Камкия, это достаточно отчетливо проявилось в ходе грузино-абхазского конфликта, в котором Тбилиси выдвинул лозунги модернизации страны по западному образцу, а Сухуми апеллировал к ценностям традиционного характера. В первом случае можно говорить о "формационной" динамике с преобладающими экономическими показателями, во втором – о динамике "цивилизационного" типа с доминирующими социокультурными характеристиками. Таким образом, легитимация власти может осуществляться с преоб-

ладанием как "социогенного", так и "этногенного" субстратов. "Социогенный" субстрат представляет собой систему ценностей универсального, рационального порядка: высокий уровень экономического благосостояния, индивидуализм, политические свободы [4, с. 33]. В свою очередь "этногенный" субстрат основывается на онтологических чертах самобытности этноса, его культуре и миропонимании.

Столь противоположные подходы к процессу легитимации власти приводят к серьезным и трудноразрешимым этнополитическим конфликтам. Их урегулирование связано с поиском взаимоприемлемой для центра и периферии идеологической модели. В этом случае, полагает Б.А. Камкия, существует два возможных типа легитимации: демократический и деспотический. Первый тип базируется на западной системе ценностных ориентаций, предрасположен к адаптации своих политико-правовых подсистем к любому типу массового этносоциального или национального движения, второй направлен на восточный комплекс ценностных ориентаций, характеризуется политико-правовыми установками на форсированное "строительство единой нации" путем "ускоренной" интеграции и ассимиляции этнических меньшинств. От правильного выбора формы легитимации власти зависит устойчивость центрo-периферийной политической системы. На этот выбор в значительной степени влияют типы национализмов, в контексте которых выделяются две модели легитимации политической власти в центрo-периферийной системе: конвергентная и дивергентная [4, с. 54]. Первая характеризуется демократической направленностью, согласием и динамизмом. Вторая – насилием, гегемонизмом, унификацией и вытекающей из этого конфликтностью.

В книге М.М. Назарова "Политическая культура российского общества, 1991-1995 годы: опыт социологического исследования" рассмотрены этнополитические аспекты массового политиче-

ского сознания. Констатируя тенденцию к возрождению националистических идеологий и созданию этнократических режимов [5, с. 95], М.М. Назаров полагает, что этноцентричные идеологические доктрины проявляются как среди представителей титульных наций, так и среди населения собственно русских краев и областей"; современная этнополитическая проблематика связана преимущественно с интерпретацией права наций на самоопределение; такие политические ценности как свобода, равенство, социализм, демократия примерно одинаково интерпретируются представителями различных этнических групп; ориентация этнических групп на конфликтное участие опосредуется совокупностью факторов, среди которых существенное значение имеют как показатели социально-экономического самочувствия, так и собственно этнополитические компоненты ценностных оснований политической культуры [5, с. 96]. Данные репрезентативных обследований населения Москвы и регионов РФ показывают, что степень национальной идентификации русских уступает аналогичному показателю титульных этносов национально-административных единиц РФ. Если в начале 90-х годов происходил спад национальной идентификации, то с 1993 года имеет место ее медленный, но устойчивый рост. Как среди русских, так и среди титульных этносов субъектов федерации широкое распространение получили "идеологические принципы этнического права на территорию" [5, с. 110]. В то же время право каждого этноса на собственную государственность, а значит и на выход из состава РФ, поддержали около 50% титульных наций и 20% русских. Относительно таких ценностей, как "свобода", "равенство", "справедливость" и т.д., существенной межэтнической дифференциации обнаружено не было, однако в вопросе о праве на куплю-продажу земли русские оказались более либеральными, чем представители титульных этносов, которые в большей степени увязывают это право со статусом граж-

данина данного национально-государственного образования или с этнической принадлежностью [5, с. 111]. Около 40 % респондентов в большинстве регионов страны не смогли ответить на вопрос о том, в какой мере в работе местных органов управления учитываются интересы их национальной группы [5, с. 102]. В то же время представители титульных наций в среднем в полтора раза чаще, чем русские, отмечают игнорирование их интересов. Ориентация на участие в конфликтах среди всех этнических групп имеет примерно равные показатели и характеризуется тенденцией к понижению. Повышенная склонность к конфликтному поведению проявляется лицами в возрасте до 30 лет, с низким уровнем доходов и подверженными страху потерять работу. В целом же первостепенное значение в этом вопросе имеет собственно идеологический компонент политического сознания, в частности, идея этнического права на территорию [5, с. 110]. Насыщенность монографии М.М. Назарова эмпирическим материалом делают ее особенно ценным источником для социолога.

В целом, можно сказать, что большинство российских специалистов по этнонациональным конфликтам ориентированы на западные теоретико-методологические подходы, в частности, конструктивистскую концепцию этноса, развиваемую в нашей стране В.А. Тишковым.

Однако при анализе конкретных проблем часто используются категориальный аппарат и интеллектуальный стиль марксизма, даже в тех случаях, когда обсуждаются проблемы этнического мифа, архетипа и стереотипа. Вероятно, основной недостаток отечественных исследований этнополитических конфликтов заключается в отсутствии надежных социологических данных. Исключение составляет работа ВЦИОМ, ведущего мониторинг общественного мнения, в том числе по этнополитической проблематике. Однако эта работа заслуживает отдельного обзора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. М.: Аспект-пресс, 1996. С. 318.
2. *Степанов Е.И.* Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы / Центр конфликтологии Института социологии РАН. М., 1996.
3. *Коротеева В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et contra. 1997. Т.2 № 3. С. 185-203.
4. *Камкия Б.А.* Проблема легитимности власти в полиэтничном государстве:

Опыт политологической интерпретации общественно-государственных отношений в Грузии и Абхазии в конце 80-х – начале 90-х годов / Московский общественный научный фонд. М., 1997.

5. *Назаров М.М.* Политическая культура российского общества: 1991-1995 годы: Опыт социологического исследования. М.: Эдиториал УРСС, 1998.

Д.Ю. Соин

руководитель Приднестровского центра социально-политических и гуманитарных исследований "Стратегия"

TURKLE S. LIFE ON THE SCREEN: IDENTITY IN THE AGE OF THE INTERNET. NEW YORK: SIMON & SCHUSTER, 1995. 347 P.

Ш. Текл – профессор социологии и психологии Массачусетского технологического института. Проведенное ею исследование состоит из двух частей: первую часть она называет полевым компонентом, вторую – клиническим компонентом. Под полем имеется в виду многолетнее наблюдение на уроках программирования, в компьютерных лабораториях, в университетских городках, в киберкафе и в Интернете. Текл побывала и в Советском Союзе, где провела ряд наблюдений в школах, компьютерных клубах и компьютерных лагерях. "Клинический компонент" представляет собой неструктурированные интервью, выполненные в жанре биографического метода. Автор использовала и виртуальные интервью, но только в тех случаях, когда встречалась с респондентами и в "реальной жизни". В виртуальной реальности вместо привычного пространства мы имеем киберпространство (термин впервые был использован писателем-фантастом Гибсоном в культовом романе 1984 года "Neuromancer"), и отношение социологов к нему еще не имеет методологиче-

ских образцов, как замечает Текл (с. 324).

Виртуальная реальность для многих людей сегодня более реальна, чем сама реальная жизнь (РЖ). Респонденты Текл проводят многие часы за экраном компьютера, привыкая к нему как к своего рода наркотику. Виртуальная реальность связывается, как правило, с MUD (это серверы или области, где много пользователей ведут параллельное и совместное общение, чаще всего анонимное). В этой ситуации характеристики "Я" конструируются ежеминутно в интеракции, а не получены заранее в виде готовых ролей. Так как в MUD можно выбрать для себя любую идентичность, введя ее параметры в компьютерную сеть, все зависит от желаний и фантазий самих пользователей. Однако эти желания и фантазии не так уж разнообразны, как можно было бы ожидать при такой свободе. Большинство пользователей, как показывают данные, мужчины среднего класса в возрасте от 12 до 35 лет. Это делает виртуальный мир менее удивительным, так как именно фантазии и желания этой группы